

СЕМЬЯ КАК ПРИВАТНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Л. В. Чеснокова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Поступила в редакцию 17 декабря 2024 г.

Аннотация: рассматривается семья как пространство приватной жизни и как сфера, противоположная публичности. Если публичность связана с рациональностью, отчужденностью, формальными отношениями, предполагает наличие социальной маски, то семья, напротив, представляет собой приватное пространство, где можно продемонстрировать свою уязвимость. Как сфера приватности семья возникает во второй половине XIX в. в связи с индустриализацией и разделением на продуктивный и репродуктивный труд. В соответствии с идеологией сепаратных сфер считается, что по природе женщина предназначена для приватного пространства. Целью исследования является концептуализация семьи как приватного пространства в западном буржуазном обществе.

Ключевые слова: приватность, частная жизнь, семья, гендерные роли, забота.

Abstract: the family is considered as a space of private life and as the opposite of publicity. If publicity is associated with rationality, alienation, formal relationships, and presupposes the presence of a social mask, then the family, on the contrary, is a private space where you can demonstrate your vulnerability. As a sphere of privacy, the family arose in the second half of the 19th century in connection with industrialization and the division into productive and reproductive labor. In accordance with the ideology of separate spheres, it is believed that by nature a woman is destined for a private space. The aim of the study is to conceptualize the family as a private space in Western bourgeois society.

Key words: privacy, private life, family, gender roles, care.

Собственный дом, семья считаются классическим пространством приватности, доступ в которое закрыт для чужих. Здесь мы организуем жизнь по собственному вкусу, с людьми, которые нам близки. Индивиды образуют семью, когда они имеют постоянные отношения: ведут совместное хозяйство, делят ресурсы и сами признают себя семьей. Семейная жизнь предполагает наличие общего приватного пространства.

Приватность, как правило, определяется как сфера, противоположная публичности, где действуют свои собственные правила и нормы. По словам М. Риттер, значение сферы приватного заключается в том, что в ней приняты иные формы коммуникации, чем в публичном пространстве, которую характеризует рациональность, ориентированная на выгоду, власть и расчет. «Семья, как место приватной жизни, основывается на любви и поддерживается заботой. Эмоциональная привязанность, любовь и доброта – вот принципы, которые регулируют приватную сферу» [1, с. 41].

Как отмечает Ж. Дюби, во всех обществах и культурах частная жизнь противопоставлялась публичной, основными принципами которой были открытость, прозрачность и принципиальная доступность

для всех желающих. В отличие от публичности, приватная жизнь – это место, где можно на время освободиться от оружия и успехов, перестать обороняться. «Это сокровенное домашнее пространство, где допустима раскованность. В личном пространстве сконцентрировано всё самое ценное, то, что принадлежит только тебе, что скрыто от постороннего взгляда, то, что не принято разглашать и демонстрировать» [2, с. 7].

Согласно классическому определению приватности, предложенному американскими юристами С. Уорреном и Л. Брендейсом, приватность представляет собой «право быть оставленным в одиночестве» (“right to be let alone”) [3, с. 81]. Человек должен иметь место, укрытое от глаз любопытной публики. Приватный дом, приватная комната «могут и должны быть убежищем, которое мы ценим потому, что оно предлагает возможность без помех и наблюдения быть наедине с собой, что необходимо для поиска собственной идентичности» [4, с. 303]. Домашний очаг является убежищем, которое предлагает индивиду возможность побыть вдали от глаз чужих людей, с собой наедине.

Однако приватность не обязательно подразумевает одиночество. Она связана не только с возможностью быть оставленным наедине с собой, но и с коммуникацией в обществе. Более того, приватность –

это социальная категория, которая предполагает наличие других людей. Как отмечает А. Мак Стэй, основная проблема приватности – это не право быть оставленным в одиночестве, а регулирование социального взаимодействия с другими людьми. «Состояние одиночества и состояние приватности – это разные вещи, поскольку первое включает в себя отсутствие связей и отношений» [5, с. 5].

Одиночество может иметь место как в уединенном пространстве, так и на публике. Если бытие в одиночестве – это просто отсутствие других, то приватность включает в себя многочисленные связи в обществе – людей, социальные группы и институты, систему социальных ролей и интеракций. «Приватность, как и публичность, будучи социальной категорией, возможна только в обществе. На необитаемом острове право на приватность не имеет смысла, так как у человека нет свободы выбора и общества, которое уважало бы этот выбор» [6, с. 436].

Будучи социальным существом, индивид нуждается в обществе. Почти у каждого имеется широкий круг связей: есть родственники, друзья, коллеги, знакомые, в отношениях с которыми мы играем разные социальные роли. Одних мы подпускаем ближе, других – дальше, ведем себя с большей или меньшей степенью формальности. В зависимости от степени близости люди в большей или меньшей степени осведомлены о нас.

Для обозначения степени приватности Б. Рёслер предлагает модель луковицы: в центре которой находится сам индивид, потом – его семья, общество и государство. Можно выделить следующие слои: «область личной (телесной) интимности, по отношению к которой всё остальное считается публичным. Далее следует второй слой – классическая сфера приватного, а именно семья или другие интимные отношения, по отношению к которым как общество, так и государство – это публичная сфера» [4, с. 18]. Далее следуют структуры публичного гражданского общества и, наконец, в четвертом слое находится государственная организация как последняя по отношению ко всем предыдущим отношениям форма публичности.

Право на приватность дает возможность регулировать степень близости, поскольку мы можем самостоятельно определять наше поведение в разнообразных социальных отношениях и проживать различные социальные роли: как друг, коллега, сын, сосед и т. д. Если бы эта возможность отсутствовала, и все могли бы иметь равный доступ в приватное пространство человека, то не существовало бы такой дифференциации ролей, и тем самым более не было бы свободы в отношениях. По мнению Рёслера, это привело бы к краху нас как автономной личности, если бы мы не могли по-разному конструировать отношения, в которых живем, и разделять какие-то тайны или воспо-

минания с одним индивидом, а с другими – нет. «Без защиты возможности нашей самопрезентации, инсценировки перед другими в разных контекстах те различные самости, которые мы демонстрируем другим, более не были бы возможными» [7, с. 293].

В отношениях мы примеряем различные идентичности, что обеспечивает возможность выбора индивидуальной самопрезентации в различных социальных ролях и контекстах. Именно право на приватность дает возможность регулировать степень близости. Только под защитой приватности индивиды могут позволить себе продемонстрировать собственную уязвимость. Без разделения на публичную и приватную сферу и защиты приватной сферы невозможны интимные отношения, поскольку чем ближе отношения и чем больше важных и затрагивающих идентичность вещей о человеке известно, тем более уязвимым он становится. Поэтому интимные отношения и семейная жизнь предполагают закрытость для посторонних. В семье делятся информацией, которую человек не должен и не хочет разделять с другими. Как указывает Ч. Фрид, для отношений дружбы и любви должен произойти добровольный отказ от защиты существенной информации о личности. В отношениях любви или дружбы мы допускаем другого человека в сферу наших мыслей, эмоций. В результате обладания приватной информацией он получает власть над нами. «Необходимо уважение к другому, чтобы человек не поделился этой информацией с другими. В дружбе или любви для комфортных отношений необходимо чувствовать себя в безопасности, не опасаясь предательства» [8, с. 210].

В частных отношениях мы действуем иначе, чем в отношениях с лицами, с которыми мы не имеем доверительных отношений. Близость без социальной маски означает особую уязвимость индивида, которая требует защитного пространства приватности. Семья предполагает не холодно-деловые отношения, а атмосферу любви и принятия. В семейных отношениях происходят процессы intersubjectивного взаимодействия, которые важны для идентичности индивида. Подобные отношения возможны только под защитой приватной сферы.

Институт семьи символизирует место покоя, любви и защищенности в противоположность формальным экономическим и юридическим отношениям. В частном пространстве семьи человек может чувствовать себя спокойно и комфортно. Семейное пространство находится по ту сторону претензий общества и государства. «Стены дома – это граница между миром частной жизни и миром публичным. Дом – место, ставшее своим, где человек испытывает пренатальное чувство безопасности» [9, с. 92].

Семейная жизнь определяется любовью и заботой друг о друге, однако порой также игнорированием,

страстью и ссорами. Как отмечает В. Софски, в закрытом частном пространстве, когда нет свидетелей, конфликты могут приобретать особую остроту. Обоюдное знание слабых мест друг друга многократно увеличивает власть. Тем не менее «люди только в гарантированном защищенном месте могут так обустроить свои отношения без контролирующего взгляда соседей или властей» [10, с. 79].

Личность испытывает потребность побыть наедине с самой собой, в уединении или в обществе близких людей, поскольку частное пространство предлагает возможность побыть самим собой. Напротив, публичное пространство предполагает необходимость постоянно играть роли, выполняя чьи-то ожидания. В частном пространстве можно на время отказаться от этих усилий и напряжений публичной самопрезентации.

Социологический анализ нормативных конструкций публичности и частности демонстрирует И. Гофман в своем противопоставлении самопрезентации индивида в публичной жизни, известной как «сцена переднего плана», и свободным и непринужденным поведением в частном пространстве «заднего плана». В то время как на сцене осознанно и целенаправленно производится представление себя другим, в частных пространствах люди отдыхают от социальных ролей. Если в зоне переднего плана демонстрируется желаемый образ в соответствии с социальными нормами и стандартами, то в зоне заднего плана хранится реквизит и аксессуары, необходимые для исполнения ролей в публичном пространстве. «Здесь слабых участников команды, невыразительных и неумелых, без помех натаскивают или совсем отстраняют от участия в исполнении. За кулисами исполнитель может расслабиться, перестать выдерживать безукоризненный представительский вид, откровенно высказаться о своих планах и выйти из образа» [11, с. 149].

Хотя сегодня семья является важнейшим пространством частности, однако подобные представления – это относительно новый социальный конструкт. До эпохи индустриализации, имевшей место во второй половине XIX в., семья не воспринималась как закрытое для публики место. До тех пор обычная форма большой семьи представляла собой открытое общество без строгих пространственных, социальных или гендерных разграничений. Не только хозяева и их дети, но и дальние родственники, а также слуги, ученики, подмастерья жили вместе под одной крышей. Такая форма человеческого общества была необходима для выживания. Семейная община жила в окружении деревенской или городской общины. Жизненные обстоятельства создавали среду взаимного общения и контроля. Частность в смысле возможности побыть в одиночестве или в обществе близких людей была тогда невозможна.

По словам Ф. Арьеса, в традиционном обществе никто вообще не был один. Интенсивность социальной жизни исключала изоляцию. «Эмоциональные контакты и социальные связи осуществлялись вне семьи благодаря очень плотной и очень активной среде, состоящей из соседей, друзей, господ и слуг, детей и стариков. Супружеская семья растворялась в этой среде» [12, с. 10]. В соответствии с тогдашними жилищными условиями дом предоставлял преимущественно защиту от внешних погодных явлений. Внутри собственных четырех стен возможность уединения, в том числе для сокрытия телесных функций, была незначительной. Все действия: сон, отдых, приготовление и прием пищи, сексуальная жизнь, рождение, болезнь и смерть происходили в многофункциональных помещениях.

Изменение обстоятельств жизни традиционной семьи происходит вследствие развития работы по найму в ходе индустриализации. В результате утрачивается роль домохозяйства как производственной единицы. Работа и проживание в доме все сильнее отдаляются друг от друга. Такие функции семьи как физическая и социальная защита индивида, образование детей, которые ранее относились к домашним обязанностям, постепенно выносятся за пределы жилища. Товары и услуги теперь не производятся в доме, а приобретаются благодаря развитию товарно-денежных отношений. К тому же «освобождение от сельскохозяйственной и ремесленной деятельности жилых и производственных общин влекло за собой растущее дистанцирование от лиц, не являющихся родственниками, поскольку в их рабочей силе больше не нуждались» [13, с. 244].

Постепенно развиваются сферы частности и публичности как различающиеся в своей основе и пространственно разделенные сферы. Начинает меняться планировка дома: происходит разграничение частного и публичного пространства и дифференциация помещений внутри дома. Появляются функционально различающиеся помещения, такие как столовая, спальня, детская, кабинет и т. п., в результате чего происходит перемещение интимной жизни в помещения, закрытые для посторонних. Уменьшается степень открытости семьи: уже не принято приходить в гости в любое время и без приглашения.

Конечно, наличие своего комфортного и вместительного жилья было доступно не для всех групп населения. Для рабочего класса проживание в отдельном доме долгое время было недоступно. Жилищные обстоятельства бедняков, особенно в больших городах, характеризовались скученностью и отсутствием элементарного комфорта. Однако постепенно в результате улучшения условий жизни буржуазные стандарты распространяются на все слои населения развитых стран. Результатом этих социальных изме-

нений стала редукция многофункционального домохозяйства к нуклеарной семье. Благодаря этому возникает новое интимное пространство. «Развивается буржуазная сфера интимности, которая отграничивается от всех остальных областей жизни: пространственно – как жилье, юридически – как приватная собственность и социально-психологически – как сфера интимности» [13, с. 246].

Возникновение потребности в приватности связано с социальными процессами, изменением образа жизни и масштабной урбанизацией. Происходит интимизация и культивирование семейной жизни. Буржуазная жилая культура предполагает любовное обустройство тесного предметного мира. Отношения тепла и близости, независимая от внешнего мира жизнь в кругу семьи – всё это типичные проявления конструирования приватной сферы и одновременно буржуазной культуры и обычаев. «Буржуазия либеральной эры проживала свою приватность в семье. Областью приватной сферы был освобожденный от экономических функций дом» [14, с. 238].

Значение сферы приватного состояло также в том, что там должны были действовать другие формы коммуникации, чем в экономической сфере капиталистического общества, которую характеризует рациональность и ориентация на выгоду. Ф. Арьес отмечает, что при переходе к буржуазному обществу жизнь людей перестает определяться «коллективной социальностью» – городской или сельской общиной. На смену традиционной общине приходит огромная анонимная толпа. Человек стремится укрыться от взглядов чужих людей в приватном семейном пространстве. Вместо экономической единицы семья превращается в «эмоциональный центр, где переплетаются отношения между супругами и их отпрысками. По мере развития новых функций семья, с одной стороны, абсорбирует индивидуума, давая ему приют и защиту; с другой – увеличивает свою обособленность от прилегающего публичного пространства. Ее значимость растет за счет умаления анонимной социальности уличной, площадной жизни» [15, с. 21].

В XIX в. происходит процесс разделения мест работы и домашнего хозяйства – пространственное разделение на продуктивную и репродуктивную сферы. Публичность постепенно становится полюсом производства и добывания средств к существованию, ее противоположный полюс – приватность – представляет собой строго ограниченные от публичной сферы заработка области репродукции. В буржуазном обществе присутствуют сильные дихотомии: публичность-приватность, мужчина-женщина, улица-дом, опасность-безопасность, внутри-снаружи. Это было связано не только с пространственным разделением публичного и приватного, но и со специфическими социальными нормами.

Дихотомия между публичным и приватным одновременно означала разделение между гендерными ролями. Доменом мужчины считались политическая и экономическая сферы как место жесткой борьбы и конкуренции. Женщина же по своей природе не была способна выдержать конкуренцию в публичной среде, поэтому ее местом считались дом и семья. Дом, домашний очаг представлял собой противоположность жестокому внешнему миру, предлагая защиту и укрытость в кругу своих. Граница дома была «призвана разделить Я и Других, приватное и публичное, и сохранить таким образом приватную жизнь, как неотъемлемую составляющую домашней жизни. Граница дома выступает оппозицией внутреннего к внешнему миру» [16, с. 114].

В буржуазную эпоху дом обеспечивает возможность укрытости. Телесные практики и интимные отношения выносятся в приватное пространство. Как отмечает Х. Арендт, все телесные функции приватны и должны быть укрыты от глаз посторонних. «Разница между приватной и публичной сферами сводится в конечном счете к разнице между вещами, предназначенными для публичности, и теми, для которых нужна потаенность» [17, с. 94]. Яркий свет публичности уничтожил бы определенные вещи, которые «естественным образом» укоренены в приватном. Такие телесные процессы, как рождение, болезнь и смерть должны быть укрыты в приватном пространстве.

Всё живое нуждается в укрытости тьмы, чтобы иметь возможность расти. Дети, как люди в процессе становления, не вынесут, если постоянно будут выставлены в свет публичности. Взрослые также испытывают потребность в укромном пространстве, обеспечивающем потаенность, защиту от увиденности и услышанности. Жизнь только в публичном пространстве поверхностна, утрачивает свою глубину. «Единственно эффективный способ обеспечить непроглядность того, что должно остаться утаено от света публичности, это приватная собственность, место, куда никто не имеет доступа и где человек одновременно укрыт и сокрыт» [17, с. 95–96].

Семья в буржуазном обществе воспринимается как место покоя, мира и любви. Главная роль в организации жизненного пространства дома принадлежит женщине. Считается, что по своей природе женщина осуществляет заботу о семье и близких. Забота тесно связана с гендером как проявление женской репродуктивной роли. Организация заботы по гендерному признаку определяется идеологией сепаратных сфер, согласно которой приватная сфера семьи должна быть полностью отделена от публичной сферы работы и политики. «Осуществление заботы в семьях должно быть передано женщинам, потому что жесткая и безличная публичная сфера является неподходящей

для этой функции» [18, с. 8]. Следовательно, главная роль в организации домашнего частного пространства принадлежит хозяйке дома, которой следует организовать семейную жизнь таким образом, чтобы все члены семьи, в первую очередь супруг, могли дома чувствовать себя комфортно и уютно.

Таким образом, семья представляет собой частное пространство, отличительными признаками которого являются теплота, уютизм, закрытость для чужих, возможность уединения. Частность может переживаться не только в одиночестве, но и вместе с близкими людьми. Более того, частность предполагает социальные отношения. Будучи социальным существом, индивид нуждается в обществе. Право на частность дает возможность регулировать степень близости и дифференцировать социальные роли. Частность защищает интимные отношения, поскольку в них человек становится уязвимым. Как частное пространство семья стала восприниматься не сразу. До эпохи индустриализации – второй половины XIX в. – обычная форма большой семьи представляла собой открытое общество производства и жизни без строгих пространственных, социальных или гендерных разграничений. Изменение обстоятельств жизни традиционной семьи происходит вследствие развития работы по найму. В результате утрачивается функция домохозяйства как производственной единицы. Работа и проживание в доме всё сильнее отдаляются друг от друга. Институт семьи с XIX в. символизирует частное пространство: место покоя, любви и защищенности в противоположность формальным экономическим и юридическим отношениям. Дихотомия публичного и частного одновременно означала разделение между гендерными ролями. Считалось, что по своей природе женщина должна осуществлять заботу о семье и близких. Несмотря на то что современные женщины активно участвуют в продуктивной деятельности, традиционные представления о семье как частном пространстве, защищенном от внешнего мира, создаваемом и поддерживаемом женщинами, сохраняются и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ritter M. Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. 139 S.
2. Дюби Ж. Предисловие к «Истории частной жизни» // История частной жизни / под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. М. : Нов. лит. обозрение, 2017. Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия. С. 5–9.
3. Warren S. D., Brandeis L. D. The Right to Privacy // Philosophical Dimensions of Privacy : An Anthology (ed. by F. Schoeman). Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 75–104.
4. Rössler B. Der Wert des Privaten. Fr. a. M. : Suhrkamp, 2001. 379 S.
5. McStay A. Privacy and Philosophy. New York : Peter Lang, 2014. 186 p.
6. Чеснокова Л. В. Право на уединение как условие оформления опыта частности // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2–2. С. 434–451.
7. Rössler B. Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben. Berlin : Suhrkamp, 2018. 443 S.
8. Fried Ch. Privacy (A moral analysis) // Philosophical Dimensions for Privacy : An Anthology / ed. by F. D. Schoeman. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 203–222.
9. Чеснокова Л. В. Дом как пространство частности // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия. 2019. № 2 (32). С. 91–97.
10. Sofsky W. Verteidigung des Privaten. Eine Streitschrift. München : Beck, 2007. 158 S.
11. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. 304 с.
12. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
13. Keckeis C. Dritte Haut. Die eigenen vier Wände als physisch-materielle Hülle // Haut und Hülle – Umschlag und Verpackung. Techniken des Umschließens und Verkleidens (hrsg. von U. Seiderer und M. Fisch). Berlin : Rotbuch Verlag, 2014. S. 19–56.
14. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Fr. a. M. : Suhrkamp Verlag, 2015. 391 S.
15. Арьес Ф. К истории частной жизни // История частной жизни / под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. М. : Нов. лит. обозрение, 2016. Т. 3: От Ренессанса до эпохи Просвещения. С. 6–26.
16. Полоскова О. А. Дом как метафора для выражения частности // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. 2019. № 1(47). С. 112–118.
17. Арндт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб. : Алетейя, 2000. 437 с.
18. Cancian F. M., Olicker S. J. Caring and Gender. Walnut Creek : Rowman & Little field Publishers Inc, 2000. 183 p.

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Чеснокова Л. В., кандидат философских наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии

E-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

Omsk State University named after F. M. Dostoyevsky
Chesnokova L. V., Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of History, Sociology
and Political Sciences

E-mail: L.Tchesnokova@mail.ru